

Акад. В. В. Струве

ХРОНОЛОГИЯ VI в. до н. э. В ТРУДЕ ГЕРОДОТА

Как известно, Геродот в главах, посвященных истории Мидии, относит битву Киаксара с Алиатом, царем Лидии, ко времени до взятия Ниневии, но так как с другой стороны, известно, что битва эта произошла в год солнечного затмения, которое обычно относят к 585 г. до н. э., то следует как будто бы заключить, что указанная битва имела место в последний год правления Киаксара (626—585 г. до н. э.). Однако и в другом месте своего труда, в истории Лидии, Геродот упоминает эту битву Алиата, царя Лидии, с мидянами в таком контексте, который не позволяет датировать ее 585 г. до н. э. Действительно, Геродот (I, 16) перечисляет главнейшие события правления Алиата в следующем порядке: 1) он воевал с Киаксаром, внуком Дейока, 2) прогнал киммерийцев из Азии, 3) покорил Смирну, заселенную жителями Колофона, 4) напал на Клазомены, но был побежден. Затем в следующих главах Геродот переходит к повествованию о войне с Милетом, которую Алиат унаследовал от своего отца Ардиса. Мы видим, таким образом, что Геродот войну с Киаксаром ставит на первом месте и тем самым, повидимому, датирует ее не 585 г. до н. э.: дело в том, что Алиат правил, согласно Геродоту (I, 25), 57 лет и стало быть вступил на престол в 617 г. до н. э. Если поэтому первые пять лет своего царствования он провел в войне с Милетом¹, то надо думать, что пятилетняя война с Мидией², будучи первой из войн Алиата, перечисленных Геродотом в 16-й главе I книги, падала еще на конец VII в. до н. э.

Конечно, можно предположить, что Геродот в указанной главе перечислил крупнейшие события правления Алиата не в хронологическом порядке, но в таком случае становится почти неизбежным вывод, что Геродот не знал хронологической последовательности войн, заполнивших время царствования Алиата. И действительно, о незнакомстве Геродота с историей царствования Алиата свидетельствуют, повидимому, слова его,

¹ Геродот, I, 18, определяет продолжительность войны с Милетом в 11 лет, а затем указывает, что «в течение шести лет из одиннадцати лидянами правил еще Саднат, сын Ардия, который направил в это время войско в Милетскую область. Этот же был и тем, который начал войну. Остальные же пять лет, следовавшие за теми шестью, вел войну сын Садната Алиат». Эта война падала, согласно Геродоту, на годы 622—612 до н. э. Я вместе с большинством исследователей принимаю датировку взятия Сард Киром, установленную александрийскими хронографами, — 546 г. до н. э., см. Б. А. Турчев, ИДВ, II, стр. 112; G. V o l t, Griechische Geschichte, т. II (2-е изд.), Gotha, 1895, стр. 460, примечание, придерживается датировки взятия Сард — 541 г., которую дает Паросский мрамор (III в. до н. э.). К этому памятнику см. В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 24.

² Нег., I, 74: «война между лидянами и мидянами возникла на 5 лет».

которыми он заканчивает свое изложение событий царствования названного лидийского царя (I, 25): «Алиат же Лидиец, прошедший длительную войну против милетцев, потом умер, процарствовав пятьдесят семь лет»¹. Это заключение Геродота к истории царствования Алиата настолько нечетко сформулировано, что можно увидеть в войне против милетцев последнее событие многолетнего правления лидийского царя². Интерпретируя же 25-ю главу I книги Геродота на основании указания 18-й главы той же книги его о том, что первые пять лет правления Алиата были заполнены войной с Милетом, мы получим весьма странную характеристику богатого событиями времени Алиата. Оказывается, что Геродот упоминает в заключении лишь о войне первых пяти лет 57-летнего царствования Алиата, оставляя без какого-либо внимания события остальных 52 лет правления. Правда, Геродот вслед за указанием о длительности правления Алиата в главе 25-й сообщает еще о пожертвовании последним по случаю своего выздоровления большой серебряной чаши и железного спяющего подчашника, но и это деяние лидийского царя связано с его милетской войной³. Такая почти лишенная какого-либо конкретного содержания заключительная характеристика многолетнего правления Алиата может быть объяснена лишь отсутствием у Геродота точного знания о хронологической последовательности важнейших событий правления названного лидийского царя. Отсутствие же точных знаний по истории Лидии даже конца VII и первой половины VI в. у Геродота не может не поразить, поскольку он, будучи уроженцем Галикарнасса, должен был быть знаком с традицией, сложившейся у малоазиатских греков о событиях истории Лидии, столь тесно связанной с историей греческих городов побережья полуострова. Традиция последних должна была запечатлеть не только войны с ними лидийских царей, но также и войны Лидии с киммерийцами и мидянами, ибо вторжения этих племен и народностей угрожали греческим городам побережья не в меньшей степени, нежели лидийскому государству. Наплыв греческих художников и ремесленников, купцов и наемников в Лидию начался раньше, нежели в другие страны Востока, даже раньше, нежели в Египет⁴. Лидия тем самым «сделалась связью европейского и азиатского миров и первым этапом эллинизма»⁵. Лидийские цари, завоеывая греческие побережья, создавали условия для взаимодействия и взаимопроникновения греческой и лидийской культур. В целях воздействия на своих греческих подданных лидийские цари привлекали на свою сторону щедрыми дарами их наиболее почитаемые храмы и оракулы и в первую очередь самое авторитетное из всех эллинских святилищ — Дельфийский храм с его знаменитым оракулом. Знание греческого языка становится в Лидии широко распространенным, и в свою очередь, греческий

¹ Ἀλιάττης δὲ ὁ λυδοῦ τὸν πρὸς Μιλήσιους πόλεμον διενείκας μετέπειτα τελευτᾷ βασιλεύσας ἑξεα ἑπτὰ καὶ πενήκοντα.

² Так понимал Геродота Ф. Г. Мищенко в своей интерпретации 25-главы I книги труда Геродота: «Лидийский царь Алиата царствовал пятьдесят семь лет и умер по окончании войны с милетянами» (Геродот, История, рус. перевод Ф. Г. Мищенко, I, 1885, стр. 12).

³ Очевидно, Алиат пожертвовал свой ценный дар в Дельфы за излечение от той болезни, которой он заболел во время войны с Милетом и на причину которой ему указала пифия (Нег., I, 19).

⁴ Гиг, первый царь Лидии из династии Мермадов, послал, согласно анналам царя Ашшурбанипала (Цил. Рас., II, 114—115), свои войска на помощь Псаметику, царю Египта, сбросившему ассирийское иго. Эти посланные лидийским царем войска были, несомненно, ионийские и карийские наемники египетского царя, о которых говорит Геродот (II, 152). С появлением этих наемников, присланных Псаметику на помощь Гигом, и начинается время проникновения греков в долину Нила.

⁵ Б. А. Тураев, ИДВ, стр. 89.

язык обогащает за счет лидийского языка свою лексику¹. Наиболее ярким свидетельством влияния греческой культуры на лидийское общество может служить написанный на греческом языке большой труд по истории Лидии некоего Ксанфа, лидийца по происхождению, жившего незадолго до Пелопонесской войны². Ксанф был первым по времени из уроженцев стран Востока, которые писали историю своей родины на греческом языке. Труд Ксанфа более чем на сто лет опередил труд Манефона по истории Египта и труд Бероса по истории Вавилонии.

Принимая во внимание такую тесную взаимосвязь между Лидией и малоазиатскими греческими городами, надлежит признать, что в Лидии положение греческих писателей, желавших познакомиться с историей страны, было значительно более благоприятным, нежели в Египте, где к услугам таких историков, как Гекатей Милетский или Геродот, были в качестве осведомителей одни лишь так называемые *hermeneis* «переводчики». Тем не менее, несмотря на столь недоброкачественную информацию со стороны своих осведомителей, Геродот все же изложил историю долины Нила, начиная с середины VII в., т. е. с начала царствования Псамметиха I без каких-либо грубых фактических ошибок и правильно определил хронологические рамки для правления царей Псамметиха I (663—610), сына его Нехо II (610—593), его внука Псамметиха II (593—588) и его правнука Априя (588—569)³.

В свете этих фактов тем более становится непонятной его неточность в определении времени царствования представителей лидийской династии Мермнадов. В Лидии, как было показано выше, греческий историк находил значительно более благоприятные условия для успешного изучения прошлого, нежели в Египте. Тем не менее Геродот (I, 25) определил время правления Гига, родоначальника династии Мермнадов, датой, неприемлемой, с точки зрения наших современных исторических знаний. Действительно, согласно Геродоту, 38 лет правления Гига падают на время с 716—678 гг. до н. э., что противоречит точным и недвусмысленным указаниям надписи Ашшурбанипала (668—631 гг. до н. э.), свидетельствующей, что Гиг жил еще в годы правления названного ассирийского царя. Анналы последнего⁴ сообщают, что после похода на Тир в 662 г. до н. э.⁵ и ранее похода в страну Маннеев в 660 г. до н. э. Гиг, царь Лидии, убоявшийся вторжения киммерийских орд, воззвал о помощи к Ассирии и, получив

¹ Так, например, слово *tyrannos* «владыка», «повелитель» является, вероятно, лидийским заимствованием. Язык филистимлян был, очевидно, близок лидийскому, коль скоро правители филистимлян назывались термином *segen* (слово сохранилось лишь во множественном числе *segenim*), соответствующим, надо думать, «*tyrannos*». В языке этрусков, первоначальной родины которых была, согласно Геродоту (I, 94), Лидия, мы находим для богини любви имя *tyran*, т. е., очевидно, «владычица».

² Труд Ксанфа, состоявший из четырех книг, сохранился, к сожалению, лишь в отрывках. Характеристику их см. В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 57.

³ Хронологические данные Геродота для Саисской династии совпадают с соответствующими данными Манефона, см. В. В. Струве, Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, ВДИ, 1946, № 4, стр. 12.

⁴ См. издание надписей Ашшурбанипала у М. Streck, *Assurbanipal*, т. II, Lpz., 1916.

⁵ Некоторые исследователи готовы датировать поход Ашшурбанипала на Тир 668 г. до н. э., поскольку в цилиндре С, I, 24, упоминается Тир среди союзников ассирийского царя в его походе 667 г. на Египет. Невозможно допустить, чтобы Ашшурбанипал первый поход своего царствования назвал бы в своих анналах «третьим походом» и изложил бы его после повествования о походах на Египет. Упоминание же Тира среди союзников Ассирии во время похода на Египет 667 г. до н. э. свидетельствует лишь о том, что тогда, в 667 г., Тир признавал господство Ассирии, чтобы через несколько лет восстать против него. Подобные восстания были обычными в пределах ассирийской державы.

ее, разбил киммерийцев¹. Стало быть Гиг, родоначальник династии Мермнадов, жил еще около 661 г. до н.э., и мы, таким образом, убеждаемся в неточности хронологических данных Геродота в отношении истории Лидии. Но Гиг и после 661 г. продолжал еще ряд лет быть современником Ашшурбанипала, об этом свидетельствует более поздняя редакция анналов последнего. В копии 648 г. анналов Ашшурбанипала ранней редакции, которая была составлена еще до подавления мятежа его брата Шамашшумукина, правителя Вавилонии (652—648 гг. до н.э.)², повествование о Гиге заканчивается сообщением о победе над киммерийцами и отправке части добычи в Ниневию³. В анналах более поздней редакции, увековеченных на 10 столбцах так называемого цилиндра Рассама⁴, мы находим повествование о позднейшей судьбе Гига: «Своего посла, которого он для запроса о благополучии моем постоянно присылал, он перестал посылать. Потому что он слово Ашшура, бога, творца моего, не соблюдал, полагаясь на свою собственную силу, он сделал дерзким сердце. Свои войска на помощь Писамилки (Псаметиху), царю Египта, который скинул иго моего владычества, он послал. Я, услышав, обратился со следующей мольбой к Ашшуру и Иштари: „перед его врагом труп его пусть будет кинут (и) пусть будут развеяны его кости“. Как я к Ашшуру молился, так и свершилось: перед его врагом труп его был кинут, и были развеяны его кости. Киммерийцы, которых он призывом имени моего под себя повергнул, восстав, победили всю его страну. После него сын его сел на престол его. О злом деянии, которое, согласно моей молитве, боги, помощники мои, отцу, родителю его, свершили, он, через посла своего сообщив, обнял мои царственные ноги» (Цил. Рассама, II, 111—123). Из приведенного отрывка анналов Ашшурбанипала следует, что два крупнейших события конца царствования Гига, а именно помощь Псаметиху, восставшему против ассирийского господства, и новое вторжение киммерийцев в Лидию, были во времени тесно связаны между собой. Поэтому, установив время мятежа Псаметиха, мы можем установить с некоторой точностью и момент смерти Гига на поле битвы с киммерийцами. Что же касается времени отпадения Египта от державы Ашшурбанипала, то дошедшие до нас египетские источники говорят в пользу того, что Псаметих лишь немного лет после своего вступления на престол в 663 г. до н.э.⁵ признавал еще ассирийское владычество. Уже на четвертом году своего царствования Псаметих, повидимому, совсем самостоятельно управлял Египтом, о чем свидетельствует найденный на месте древнего города Тауджаи⁶ документ, громадный

¹ В анналах Ашшурбанипала не говорится, правда, об ассирийской помощи, но она, несомненно, была оказана, если Гиг счел нужным послать в Ниневию двух пленных киммерийских вождей с частью добычи. Очевидно, помощь оказали войска наместников северо-западных областей ассирийской державы, подвиги которых царь считал излишним увековечить в своих анналах.

² Появление столь поздней копии устаревшей редакции анналов было обусловлено тем, что изготовление надписи, подводившей итог событиям многих лет, требовало большого труда. Создание же новой редакции анналов в данном случае было в особенности трудным, поскольку надо было ввести теперь в летопись отпадение богатейшей из провинций ассирийской державы, а именно Египта, окончательное, казалось, замирение которого отмечалось в ранних анналах. Ашшурбанипал в 648 г. мог еще рассчитывать на то, что ему удастся снова покорить долину Нила.

³ Цил. В, II, 86—III, 4, см. M. Streck, *Assurbanipal*, т. II, стр. 98—99.

⁴ Датирован по имени эпонима Шамашданини, но год его эпонимата не может быть еще точно определен: он соответствует одному из годов между 644 и 636 до н.э. Тем же эпонимом датируется и вторая копия поздней редакции анналов Ашшурбанипала, так называемый цилиндр А, см. M. Streck, *ук. соч.*, I, стр. XVIII.

⁵ Псаметих стал царем после смерти своего отца Нехо I, погибшего в борьбе с эфиопским царем Тантамоном, вторгнувшимся в Египет в 664 г. до н.э., см. Б. А. Тураев, *ИдВ*, II, стр. 97.

⁶ Около современного Эль-Хибе, в северной части среднего Египта.

демотический папирус, представляющий докладную записку некоего Педиисе сатрапу Египта от 9-го года Дария I. Докладная записка содержит жалобу Педиисе на насилия со стороны прочих жрецов храма с приложением обстоятельной истории жреческой семьи, из которой происходил составитель документа¹. Эта история была составлена на основании документов, хранившихся в семейном архиве. Выше упомянутой датой — 4-м годом Псаметиха (660 г. до н. э.) — начинается история семьи жреца Педиисе: «В 4-й год фараона Псаметиха Старшего случилось, что Верхний Египет управлялся Педиисе, сыном Анхшешонка, вельможей гавани, начиная с южного сторожевого дома Мемфиса вплоть до Ассуана» (V, 14—15). В этом году названный вельможа предстал перед фараоном с просьбой дать ему заместителя в лице Педиисе, сына Иртуруоу, младшего брата его отца. Просьба вельможи была удовлетворена, и Педиисе, сын Иртуруоу, предок составителя документа, был назначен заместителем управителя Верхнего Египта (V, 15—VI, 9). Рассматриваемый документ совсем не упоминает ассирийцев, которые тогда, в 660 г. до н. э., судя по свидетельству анналов Ашшурбанипала, продолжали сохранять свою власть в долине Нила². Это умолчание не должно нас удивлять, так как сам Ашшурбанипал в своих анналах указывал, что он, сжалившись над приведенным к нему в конце 667 г. в Ниневию Нехо I, осыпал его милостями и «в Саис, где отец, родитель мой, его на царство поставил, а его на место вернул». Своих военачальников Ашшурбанипал послал в Египет «для его помощи». Что же касается сына Нехо Псаметиха, приведенного вместе с отцом в Ниневию, то ему было дано ассирийское имя «Набу-шезибани» («Набу, спаси меня»), предоставлено правление над Атрибом, ассирийский царь оказал ему «благо и милость» более, нежели его отцу (Цил. Рас., II, 8—19). Очевидно, ассирийский царь не вмешивался во внутренние дела подчиненного ему египетского государства, лишь бы «тяжелая подать», требуемая завоевателем, исправно поступала в Ниневию. Педиисе же в истории своей семьи сообщает, что предок его, Педиисе, сын Иртуруоу, сумел взимать в Верхнем Египте серебра и зерна в полтора раза больше установленного (VI, 1—2). Но «тяжелая подать», взимаемая фараоном в эпоху ассирийского господства, ложилась тяжелым бременем и на хозяйство храмов. Об этом нам сообщает та же история семьи Педиисе, повествуя, что несколько лет после своего назначения заместителем управителя Верхнего Египта Педиисе, сын Иртуруоу, посетил храм Амона Тауджайского и нашел этот большой храм запустевшим. Старый жрец, оставшийся при храме, ему рассказал, что храм и его хозяйство в старое время процветали, но «наступило это злое время. Заставили большие храмы Египта давать подати и налоги. Это (храмовое) поселение было обложено многочисленными податями. Они (люди поселения) не могли уплатить подати, возложенные на них, и они ушли. Хотя (теперь) освобождены большие храмы Египта, (все же) приходят к нам, говоря, вноси подати вплоть до сегодняшнего дня» (VI, 16—18).

Упомянутое в только что приведенном тексте выражение «злое время» может быть отнесено лишь к годам ассирийского господства, так как эфиопские цари, опиравшиеся на египетское жречество, относились к храмам весьма благосклонно и сохраняли их привилегированное положение. Поскольку об этом «злом времени» говорится как о чем-то прошлом, то из этого следует, что в данный момент ассирийское иго было уже свергнуто, хотя в провинциальном храме Амона Тауджайского «тяжелая подать» ассирийского господства продолжала взиматься.

¹ К этому любопытному демотическому папирусу см. Б. А. Тураев, Египетская литература, М., 1920, стр. 229 сл.

² Обращение Гига к Ашшурбанипалу с просьбой о помощи имело место в 661 г., см. выше, стр. 62.

Из общего контекста рассказа Педиисе о деяниях своего предка Педиисе, сына Иртуру, можно извлечь вывод, что эпизод посещения последним храма в Тауджаи имел место в ближайшие годы после его назначения заместителем управителя Верховного Египта в 4-м году Псаметиха I. Следовательно, последний освободился от ассирийского владычества вскоре после 660 г. В всяком случае это событие свершилось еще до 554 г. до н. э., когда, согласно большой надписи от 9 года царствования Псаметиха I, уже вернулись в Фивы «супруга бога» (Амона) ¹ Шепенопе II, дочь врага Ашшурбанипала Тахарки, эфиопского царя, и «царь» фиванской области ² Монтуемхет, спасшиеся от жестокого разгрома Фив, учиненного ассирийцами в 667 г., после поражения Тантамона. Вернуться в Фивы они, конечно, могли лишь после освобождения Египта от ассирийского владычества. В «благодарность» за возможность возвращения в Фиваиду Монтуемхет вынужден был согласиться на укрепление власти Псаметиха I на юге страны путем удочерения «супругой бога» Шепенопе Нейтикре (Нитокрис), дочери Псаметиха, о чем сообщает и вышеупомянутая надпись от девятого года последнего ³. Стало быть, Египет сбросил ассирийское ярмо еще до 554 г. до н. э. ⁴ Именно тогда Гиг и послал на помощь Псаметиху своих наемников. Ашшурбанипал, согласно его надписям, был занят тогда войнами на Востоке — с маннеями, мидянами и с Эламом и не мог поэтому выделить войско, чтобы подавить мятеж в Египте, на далеком Западе. По отношению к Лидии, которая стала враждебной Ассирии, Ашшурбанипал находился в более благоприятных условиях. Он мог поднять против Гига киммерийские орды, разбитые последним в 660 г. Киммерийцы, подкрепленные появившимися в Малой Азии трерами, одним из фракийских племен ⁵, теперь снова вторглись в Лидию, подстрекаемые к этому Ашшурбанипалом. Во главе их стоял, согласно традиции, сохранившейся у Страбона (I, 3, 21), вождь Лигдам: «Лигдам, руководя своими войнами, дошел до Лидии и Ионии ⁶ и взял Сарды, но погиб в Киликии». В борьбе с войнами Лигдама погиб Гиг. Хотя тем самым Лигдам и осуществил молитву Ашшурбанипала о гибели Гига, тем не менее вождь киммерийцев и треров вскоре обратил на себя гнев ассирийского царя, двинувшись, согласно Страбону, после взятия Сард в Киликию, область, подвластную Ассирии. В одной несколько фрагментированной надписи, посвященной Мардуку, Ашшурбанипал называет Тугдамме ⁷, царя «Умман-

¹ Жрица «супруга бога» Амона, в I тысячел. до н. э. номинально управляла Фивами, но фактически она зависела от царя, или, во время ослабления царской власти, от фиванского номарха, см. Б. А. Тураев, ИДВ, т. II, стр. 99.

² «Царем» его назвал Ашшурбанипал наряду с другими правителями номов Дельты и среднего Египта, которых он перечислил в своих анналах (Цил. Рас., I, 90—109) после рассказа о поражении Тахарки (668 г.). Все эти «цари» были немедленно после этого уличены в тайных сношениях с эфиопами, захвачены и отправлены в Ниневию. Монтуемхет же на далеком юге находился уже тогда под защитой эфиопов и бежал после их поражения в конце 667 г.

³ К этой надписи Псаметиха I см. Б. А. Тураев, ИДВ, т. II, стр. 100.

⁴ Если верить истории семьи Педиисе, то уже в 15 г. Псаметиха Верхний Египет полностью оправился от ужасов ассирийского завоевания: «Случилось, что в 15-й год фараона Псаметиха благополучие Верхнего Египта было прекрасно» (VIII, 14).

⁵ В своих походах киммерийцы и треры были настолько сплочены, что, согласно Страбону (I, 3, 21), киммерийцы иной раз назывались трерами.

⁶ В словаре Гезихия, s. v. Lygdamis, сообщается, что Лигдам сжег храм эфесской Артемиды.

⁷ Многие исследователи отождествляют Lygdamis греческих текстов и Tugdamme надписи Ашшурбанипала. Они готовы допустить, что в греческую передачу имени вождя киммерийцев и треров вкралась ошибка и имя следует читать «Dugdamis», см. М. S t r e s k, Assurbanipal, т. II, стр. 281, прим. 10, где приведена и соответствующая литература. Я полагаю, что мы имеем здесь сложную фонему, встречающуюся в малоазиатских языках, которая путем расщепления дает «т» или «л», так, например, имя древнейшего хеттского царя передавалось то в виде «Табарнас», то «Лабарнас».

Манда»¹, «исчадием Тиамат»². Поскольку в дальнейшем несколько разрушенном тексте идет речь уже о сыне Тугдамме, то можно предположить, что в момент составления надписи Тугдамме сам уже был мертв. В тексте, предшествующем упоминанию Тугдамме, повествуется о разгроме страны эламитян, но прямых указаний на мятеж Шамашшумукина мы не находим. Поэтому надлежит отождествить эту войну против Элама с войной против Теумана, царя Элама, в 655—654 гг., завершившейся сокрушительным вторжением ассирийских войск в его страну. Следовательно, Тугдамме-Лигдам стал врагом Ассирии после 655 г. до н. э. Он погиб, согласно Страбону, в Киликии после взятия Сард, а следовательно, и поражения и смерти Гига. *Terminus ante quem* для гибели Тугдамме определяется тем, что ассирийская надпись, упоминающая его, не называет и не восхваляет Шамашшумукина, царя Вавилонии, брата Ашшурбанипала, в противоположность ряду надписей, в которых повествуется о возведении Шамашшумукина на царский престол Вавилонии и о строительстве Ашшурбанипала в Вавилоне³. В надписи, посвященной специально Мардуку, богу-покровителю Вавилона, следовало упомянуть Шамашшумукина, царя Вавилонии. Если же в этой надписи имя последнего не упоминалось, то, очевидно, в момент ее составления измена брата стала известна или во всяком случае подозревалась Ашшурбанипалом, хотя он и считал целесообразным об этом открыто еще не говорить. Поэтому он, обращаясь в конце надписи с молитвой к Мардуку о гибели своих врагов, не упоминает Шамашшумукина: «Убей врагов! Ниспровергни моих противников в битве!»⁴. Но несомненно за этими врагами скрывались для Ашшурбанипала его брат Шамашшумукин и его возможные союзники. Стало быть, данная надпись должна быть датирована временем, непосредственно предшествующим 652 г., первому году войны обоих братьев между собой. В таком случае гибель Тугдамме падает на годы между 655 г., годом поражения царя Элама Теумана, и 652 г., годом начала войны Ашшурбанипала и Шамашшумукина. Эти хронологические рамки, в пределах которых могла иметь место гибель Тугдамме, должны быть приняты в расчет при установлении даты смерти Гига, поскольку смерть последнего предшествовала смерти Тугдамме. Учитывая их, приходится считать наиболее вероятной датой смерти Гига 654 г. до н. э. Действительно, если смерть родоначальника династии Мермнадов падает на середину 654 г. до н. э., то Тугдамме-Лигдам имел время после своей победы в Лидии вторгнуться в пределы Киликии и найти здесь в 653 г. свою смерть в войне с воинственными горными племенами⁵. Датировка смерти Гига 654 г. не противоречит ни данным

¹ Так назывались в клинописных ассирийских и ново-вавилонских текстах верные племена, в том числе и киммерийцы.

² Текст издан у M. Streck, *Assurbanipal*, II, стр. 276 сл.; это надпись на золотом предмете, посвященная культуре Мардука; критические замечания к изданию этого текста в Th. Bauer, *Das Inschriftenwerk Assurbanipals*, II, Lpz, 1933, стр. 48, E, 1, не имеют значения для текста, как источника, посвященного истории Тугдамме. К датировке текста см. H. Winkler, *Altorientalische Forschungen*, т. I, 1893, стр. 492 сл.

³ См. надписи у M. Streck, *Assurbanipal*, т. II, стр. 226 сл.

⁴ Обратная сторона текста, стк. 11. В тексте, посвященном отчасти также и Мардуку (M. Streck, *ук. соч.*, т. II, стр. 293 сл., и Th. Bauer, *ук. соч.*, т. II, стр. 50, F, прим. 1) и датированном 655 г. до н. э., Шамашшумукин также не упоминается.

⁵ Согласно александрийским хронографам, вторжение киммерийцев в Лидию началось в 657 г. Очевидно, это было начало их наступления, и Гиг лишь через несколько лет нашел в сражении с ними свою смерть. В один из годов между 657 и 654 гг. Тугдамме-Лигдам мог путем обхода лидийских крепостей вторгнуться в область Эфеса и разрушить здесь храм Артемиды, не завладев полностью самим городом. После гибели Гига, вероятно, не все племена киммерийцев и треров последовали за Тугдамме в Киликию, часть их двинулась на запад, чтобы теперь уже беспрепятственно опустошать области греческих городов побережья.

анналов Ашшурбанипала, ни данным египетских документов Псаметиха I. Как было показано выше, восстание Египта и посылка Гигом наемников в долину Нила падают на время, непосредственно предшествующее 654 г., т. е. примерно на 657 г. Согласно анналам Ашшурбанипала, измена Гига и его гибель были в отношении времени тесно связаны между собой. Заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые исследователи определили, опираясь отчасти на иную аргументацию, дату смерти Гига 652 г.¹, которая очень близка устанавливаемой в настоящей работе дате 654 г.

Отождествив 654 г. до н. э. с годом смерти Гига, мы тем самым устанавливаем ошибку в геродотовской хронологии истории Лидии в 25 лет, поскольку «отец истории» определил год смерти первого царя из династии Мермнадов 678 г. до н. э. Такое расхождение Геродота с исторической действительностью в области хронологии истории Лидии, столь хорошо знакомой малоазиатским грекам, не может нас не поразить, если мы вспомним точность его хронологических данных по истории саисского Египта. Ошибка Геродота должна привлечь к себе тем большее внимание исследователя, что и в истории Лидии VI в., более близкой ему по времени, мы находим отставание на те же 25 лет от реального течения исторического процесса.

Это расхождение Геродота с исторической действительностью было уже давно установлено относительно раздела его труда, посвященного правлению Креза. Дело в том, что в повествование о событиях царствования Креза, последнего представителя династии Мермнадов, правившего 14 лет вплоть до взятия Сард Киром, т. е. с 560 по 546 гг., Геродот (I, 29—33) включает обстоятельный рассказ о посещении Сард Солоном и о его беседах с Крезом. Посещение же Солоном Лидии падает, согласно Геродоту (I, 29), на те 10 лет, которые Солон после завершения своих реформ провел в дальних путешествиях, т. е. на время между 593—584 гг. Хронологически закрепив время посещения Солоном Креза за указанными десятью годами, Геродот впал в вопиющее противоречие с тем фактом, что Крез вступил на престол лишь в 560 г. до н. э. Тем самым между последними годами путешествий Солона и началом царствования Креза получился разрыв в те же 25 лет, что и между годом смерти Гига, указанным в труде Геродота (678 г. до н. э.), и действительным годом его смерти (654 г. до н. э.). Невозможность посещения Солоном царя Креза ввиду несоответствия времени путешествий первого и времени царствования второго из названных лиц была отмечена еще в эпоху древности александрийскими учеными, сомнения которых, а также и свое несогласие с ними запечатлел Плутарх в биографии Солона: «Некоторые полагают, что встречу его (т. е. Солона) с Крезом следует оспаривать, как вымысел. Я же рассматриваю рассказ настолько общезвестным и подтвержденным столькими свидетелями и, что самое главное, соответствующим характеру Солона и достойным его великодушия и мудрости, что, мне кажется, не следует отвергать его из-за каких-то хронологических канонов, которые пытаются привести в порядок десятки тысяч и до сих пор не могут придти ни в чем к согласию и не могут устранить противоречия» (Sol., XXVII).

В связи с посещением Солоном Креза Геродот (I, 30) сообщает мимоходом, без приведения каких-либо конкретных данных, и о посещении Солоном Амасиса, царя Египта². Поскольку последний захватил царскую

¹ См. Н. G e l z e r, Das Zeitalter des Gyges, RhM, XXX (1875), стр. 230 сл. С. F. L e h m a n n - H a u p t, Gyges, RE, VII, стб. 1964; Б. А. Т у р а е в, ИдВ, т. II, стр. 89; САН, т. III, стр. 117, 189, 507, и синхронистическая табл. II.

² Я не касаюсь здесь вопроса о посещении Солоном Кипра (Н е г., V, 113), поскольку здесь в хронологическом отношении противоречий с исторической действительностью нет. К попыткам найти здесь хронологические несуразности см. G. В u s o l t, Griechische Geschichte, т. II, стр. 299, прим. 1.

власть в 569 г. до н. э., то Солон не мог посетить Амасиса во время своих путешествий 593—584 гг. Если же первой страной, которую посетил Солон, был Египет¹, то мы находим в датировке и данного события расхождение с исторической действительностью на те же 25 лет, что и в дате года смерти Гига и в дате года посещения Солоном Лидии. Правда, может быть высказано предположение, что Геродот включил в повествование о Солоне Креза и Амасиса не в качестве конкретных исторических деятелей, а в качестве абстрактных понятий богатого (Крез) и мудрого царя (Амасис). Однако это предположение, во всяком случае по отношению к Крезу, опровергается свидетельством глав 125—126 VI книги Геродота о посещении царя Креза в начале VI в. другим знатным афинянином. В первой из названных глав рассказывается о тех богатствах, которыми щедро одарил Крез прибывшего к нему Алкмеона, сына Мегакла, за помощь, оказанную им лидийским послан, которых Крез отправил в Дельфы. О лидийских посольствах в Дельфы Геродот неоднократно сообщает в разделе, посвященном истории Креза (I, 47, 53, 55), следовательно, посещение Креза Алкмеоном являлось для Геродота звеном в цепи вполне реальных событий. Геродот, кроме того, счел нужным сообщить в конце главы еще и другой конкретный факт из жизни Алкмеона, сына Мегакла, а именно то, что он содержал лошадей для колесниц и одержал победу в Олимпии. В следующей же 126-й главе Геродот указывает на вполне определенный *terminus ante quem* для посещения Алкмеоном Креза: «После же, в следующем затем поколении, Клисфен, тиранн Сикиона, возвысил дом Алкмеона настолько, что он стал еще значительно более славным, чем раньше». Затем Геродот повествует о том, как в конце концов Клисфен, владыка Сикиона, предпочел всем другим претендентам на руку своей дочери Агаристы Мегакла, сына Алкмеона, и обручил их². Это бракосочетание Агаристы, дочери тиранна Сикиона, и Мегакла, сына Алкмеона, обогащенного, согласно рассказу Геродота, Крезом, может быть сравнительно точно датировано. Оно имело место около 570 г., так как Агариста, повидимому, родила Мегаклу, дочь, ставшую впоследствии женой Писистрата³, и, несомненно, его сыном был знаменитый Клисфен, низвергнувший в Афинах последние остатки родового строя. Стало быть, посещение Алкмеоном Сард, о котором упоминает Геродот, должно быть отнесено ко времени до 570 г., примерно ко времени около 585 г. Такая датировка пребывания Алкмеона в Сардах соответствовала в глазах Геродота, несомненно, исторической действительности, и она может быть без какого-либо затруднения согласована с тем, что мы знаем о жизни Алкмеона, деда Клисфена. Согласно утверждению Плутарха, высказанному в жизнеописании Солона (XI) на основании документов дельфийского храмового архива, Алкмеон руководил афинским военным отрядом, участвовавшим в Священной войне, датированной Паросским мра-

¹ Согласно Плутарху (Sol., 26), Солон, оставив Афины, прежде всего, т. е., очевидно, в 593 г. до н. э., посетил Египет. Плутарх здесь, как и в своем труде «Об Исиде и Осирисе» (9), в связи с посещением Солоном Египта, царя Амасиса не упоминает. Не упоминает Амасиса в этой связи и Дидор, I, 96.

² История о выдаче дочери Клисфена замуж полна у Геродота (VI, 126—131) явными хронологическими несообразностями, см. указатель к переводу Геродота Мищенко, стр. 99. Анализ этого эпизода отвлеч бы слишком далеко от решения поставленной в настоящей статье задачи; конечные выводы статьи объясняют появление всей этой хронологической путаницы в геродотовой истории VI века.

³ Оставляем в стороне сложный и несущественный для настоящей работы вопрос о том, когда Мегакл выдал свою дочь замуж за Писистрата, в 560 или в 549 г. Если она была выдана замуж уже в 560 г., то бракосочетание Мегакла и Агаристы имело место уже около 575 г. Политические соображения могли заставить Писистрата пренебречь советом Гесиода (стих 695—699) брать себе в жены женщину более зрелого возраста.

мором 591 г. до н. э.¹ Если, таким образом, Геродот относил посещение Сард Алкмеоном, сыном Мегакла, к началу VI в. до н. э., то становится непонятным, как мог тот же Геродот утверждать, что лидийским царем, столь гостеприимно принявшим знатного афинянина, был Крез, побежденный в 546 г. до н. э. Киром. Мы встречаемся здесь снова с той же ошибкой в 25 лет, как и при датировке смерти Гига и посещения Солонидом Сард. Ту же путаницу в хронологии мы находим в рассказе Геродота (I, 27) о мудром совете, который дал Питтак из Митилены царю Крезу, задумавшему напасть на островных греков. Митиленец Питтак, умерший в 570 г. до н. э., разумеется, не мог встретиться с царем Крезом, вступившим на престол только в 560 г. до н. э.² Но самой серьезной и роковой по своим последствиям ошибкой Геродота в области хронологии VI в. до н. э. оказалось установление им синхронизма между событиями времени великого коринфского тиранна Периандра, умершего, согласно хронографам, в 585—584 г., и событиями царствования Креза. Этот синхронизм установил Геродот в 48-й главе III книги своего труда, являющейся частью обстоятельного рассказа о событиях истории острова Сама во времена тиранна Поликрата. В главе 48 Геродот объясняет мотивы, заставившие коринфян принять участие в походе против Сама: «Охотно приняли участие и коринфяне в походе против Сама, так что он мог состояться. Обида ведь была нанесена этим [т. е. коринфянам] самийцами поколением раньше этого похода, в то самое время, когда кратер был похищен. Дело в том, что Периандр, сын Кипсела, посылал в Сарды к Алиату 300 мальчиков, детей знатнейших мужей Керкиры, для оскопления. Когда же коринфяне, везшие мальчиков, пристали к острову Саму, а самийцы узнали, ради чего везут детей в Сарды, то они сперва научили детей скрыться в храме Артемиды, а затем не давали вывести ищущих убежища из храма». В дальнейшем Геродот рассказывает, каким образом самийцы снабжали пищей засевших в храме детей. Только что описанное событие относится к концу правления Периандра, так как последний послал 300 сыновей знатнейших керкирян в Сарды для оскопления, желая отомстить керкирянам за смерть своего сына Ликофрона, пребывавшего на Керкире в те годы, когда Периандр состарился (Нер., III, 53—54).

Что же касается синхронизма между этими событиями конца правления Периандра и временем правления Креза, то его устанавливает Геродот, указывая на то, что отправление детей керкирской знати в Сарды имело место «в то самое время, когда кратер был похищен». Об этом кратере Геродот говорит в предшествующей 47-й главе, в которой он пытается вскрыть мотивы, побудившие лакедемонян выступить против Поликрата. Согласно свидетельству Геродота, сами лакедемоняне заявляли, что они предприняли поход, «желая отомстить за похищение кратера, который они везли Крезу, и за похищение панцыря, который им посылал в дар Амасис, царь Египта». Об этом панцыре, отправленном Амасисом в Спарту, Геродот нигде больше не упоминает³, в противоположность кратеру, дару

¹ Стк. 52—53, см. F. Jacoby, *Das Marmor Parium*, В., 1904, стр. 12—13.

² См. указатель к переводу Геродота Ф. Г. Мищенко, стр. 165. О значимости свидетельства Геродота, V, 95, для определения времени жизни Питтака и времени войны за Сигей см. С. Я. Лурье, *История Греции*, Л., 1940, стр. 136.

³ Надлежит отметить, что в 182-й главе II книги, перечислявшей дары, сделанные Амасисом греческим святылищам, панцырь, посланный лакедемонянам, не упоминается, хотя панцырь, пожертвованный им в храм линдосской Афины, в перечень включен. О панцыре линдосского храма Геродот говорит в конце 48-й главы III книги, отмечая, что он был «таким же», как и посланный в Спарту панцырь, детально описанный в предшествующих строках названной главы. Очевидно, предназначенный для Спарты, но попавший волею судеб на остров Сам, панцырь во времена Геродота уже не существовал, в противоположность панцырю линдосского храма, существовавшему еще и во времена Плиния Старшего (NH, 19, 12).

лакедемонян Крезу. О нем мы находим упоминание в 70-й главе I книги Геродота, и здесь мы узнаем, что посылка из Спарты Крезу кратера имела место в последние годы царствования последнего: посылка лакедемонянами кратера Крезу последовала за предложением лидийским царем Спарте союза, направленного, очевидно, против угрозы со стороны Кира¹. Кроме того, одна из приведенных Геродотом (I, 70) легенд о приобретении самийцами этого кратера сохранила традицию о том, что «перевозившие кратер лакедемоняне запоздали и, узнав, что Сарды и Крез уже захвачены, отдали кратер на Саме, частные же лица, купившие его, пожертвовали в храм Геры». Отсюда ясно, что конец царствования Креза (546 г. до н. э.) хронологически совпадал с последними событиями жизни Периандра (около 585 г. до н. э.). Таким образом, вновь выясняется, что хронология VI в. до н. э. в труде Геродота резко противоречит исторической действительности.

Как отмечалось выше, этот ошибочный синхронизм, устанавливаемый Геродотом, имел роковые последствия: синхронизм конца жизни Периандра со временем царствования Креза, засвидетельствованный, казалось, Геродотом, послужил в современной историографии основанием для создания весьма смелого построения, заменившего для VI в. датировки александрийских хронографов датировками Геродота. Я имею в виду тот переворот в хронологии истории Греции VI в. до н. э., который пытался произвести и отчасти произвел немецкий историк К. Ю. Белох, объявивший полную несамостоятельность хронологических изысканий александрийских ученых. Он поэтому предложил, опираясь в основном на синхронизм, засвидетельствованный Геродотом (I, 48), ввести в число твердо установленных фактов определение времени правления Кипселидов² 610—540 г. до н. э.

Такой безоговорочный отказ от хронологической традиции александрийских ученых, поставивших себе специальную задачу установить хронологический костяк предшествующей истории Средиземноморья, безусловно неправилен. Александрийские хронографы не были отделены от событий VI в. пропастью многих веков и располагали громадным количеством источников, большая часть которых не сохранилась до наших дней. Поэтому они имели все возможности установить в конечном итоге с большой сравнительно точностью даты того или другого события VI в., который создал уже свою историографию (логографы)³.

¹ См. запросы Креза к греческим оракулам, о которых рассказывает Геродот (I, 53—55).

² См. С. J. Beloch, *Griechische Geschichte*, изд. 2, т. I, ч. 2, стр. 274 сл. и 359. Хронологию Белоха по существу принимают авторы статей двадцатых и тридцатых годов в RE, например, К. Липпольд в статье о Кипселе (RE, XII, стб. 119), Ф. Шахермейер в статье о Периандре (RE, XIX, стб. 713). Попытку опровергнуть точку зрения Белоха на хронологию времени правления Кипселидов, предпринятую в Кэمبرиджской истории (III, стр. 764—765), нельзя считать эффективной, поскольку здесь не опровергается основной довод Белоха, покоящийся на свидетельстве Геродота (I, 48). В русской историографии В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 481, упрекает Белоха за «его крайний, можно сказать разрушительный, критицизм, скептическое отношение к преданию и источникам». С. А. Жебелев продолжал держаться традиционной хронологии в своем комментированном издании перевода «Истории» Фукидида (М., 1915). Продолжала придерживаться традиционной хронологии и советская историография, см. С. И. Ковалев, Греция, М.—Л., 1936; С. Я. Лурье, История Греции, Л., 1940; В. С. Сергеев, История древней Греции, посмертное издание под ред. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина, М., 1948. Насколько я знаю, развернутая критика хронологической системы Белоха не была дана ни в русской, ни в советской историографии.

³ О логографах см. В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 50. Невозможно согласиться с Белохом, когда он (ук. соч., стр. 302) при решении вопроса о времени выступления Килона полностью отвергает свидетельство Аристотеля. Учитывая огромную эрудицию последнего, мы должны допустить, что его изложение истории Афинского государства покоилось на большом количестве использованных источников, для нас уже потерянных.

Геродот, живший в V в. до н. э., был, конечно, еще ближе к событиям VI в., но он не ставил себе специальных хронографических задач и пришел к своим ошибочным датировкам не вследствие своего невежества, а, как увидим ниже, на основании научно вполне допустимого предположения, которое было высказано даже в современной историографии. Выяснение факта этого предположения Геродота спасет его авторитет как историка, но для выявления его необходимо предварительно доказать, что вышеуказанный синхронизм, установленный Геродотом (III, 48), требовал для последнего перенесения Креза во времена Периадра, а не перенесения Периадра во времена Креза, как утверждал Белох. Основание для своего утверждения Белох находил в том тексте Геродота, который был создан современной филологической наукой на основании дошедших до нас двух семейств рукописей, датируемых средними веками¹. Часть текста, содержащая датировку похода лакедемонян и коринфян на Поликрата, тиранна Сама, воссоздается на основании рукописной традиции в следующем виде: Ἔθριμα γάρ καὶ ἐς τούτους εἶχε ἐκ τῶν Σαμίων γενόμενον γενεῆ πρότερον τοῦ στρατεύματος τούτου, κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν χρόνον τοῦ χρηστῆρος τῆ ἀρπαγῆ γενέσθαι. Точный перевод гласит: «Обида ведь была нанесена этим (т. е. коринфянам) самийцами поколением раньше этого похода, в то самое время, когда кратер был похищен».

Если действительно лишь одно поколение отделяло поход на Поликрата (около 525 г. до н. э.) от посылки Периадром детей знатнейших граждан Керкиры в Сарды, последние годы тиранна Коринфа надлежит, следуя Белоху, датировать временем около 560 г. до н. э. Но это резкое расхождение датировки Геродотом времени правления Периадра с хронологией, установленной александрийскими учеными, заставило уже давно некоторых исследователей предположить, что текст Геродота в данном месте не в порядке и что в него следует поэтому внести исправление, а именно добавить порядковое числительное τρίτη («третьим») перед словом γενεῆ («поколением») ². При этом дополнении приведенный текст Геродота свидетельствует о том, что отправление Периадром детей знати Керкиры в Сарды имело место «третьим поколением раньше этого похода» против Поликрата, т. е. относится примерно к тем годам, которые установлены александрийскими хронографами для последних лет жизни властителя Коринфа. Исследователи, предложившие такое исправление указанного текста Геродота, ссылались на свидетельство Плутарха, который в XXII главе своего сочинения «О злокозненности Геродота» дает несколько выписок из 48-й главы III книги Геродота по экземпляру рукописи своей библиотеки. Здесь Плутарх подчеркнул злопамятность, которую приписал Геродот коринфянам, представив их мстящими μετὰ τρεῖς γενεάς «после трех поколений» за обиду, нанесенную им самийцами ³. Это дополнение к Геродоту (III, 48), подкрепленное ссылкой на свидетельство Плутарха, казалось настолько убедительным, что некоторые из издателей труда Геродота включили его в издаваемый ими текст ⁴. Но Белох тем не менее отказался принять такое исправление текста Геродота и продолжал настаивать на традиционном чтении. Расхождение Плутархова изложения 48-й главы III книги Геродота с традиционным чтением ее Белох (ук. соч., стр. 359) объясняет наличием полемического момента в сочинении Плутарха

¹ По вопросу о рукописной традиции Геродота см. литературу, приведенную В. П. Бузескулом, ВиГ, стр. 57, прим. 3.

² О таком исправлении указанного текста Геродота говорит уже в своем переводе III книги Геродота I. Chr. F. Bähr (Stuttgart, 1863), стр. 42, прим. 2.

³ См. T. S. K. P a n o f k a, Res Samiorum, В., 1822, стр. 30 сл.

⁴ См., например, издание Dietsch-Kallenberg, 1906, со ссылкой на указанное исследование Panofka.

и тем, что последний следовал принятой в его время хронологии. Однако эти доводы Белоха представляются неубедительными: полемический характер сочинения Плутарха должен был, напротив, вызвать у последнего стремление обратить сугубое внимание на длительность того отрезка времени, который отделял, согласно Геродоту, поход спартанцев и коринфян против Поликрата от последних лет жизни Периандра: Плутарх пытается здесь доказать нелепость выдвинутой Геродотом причины похода коринфян на самийцев; коринфяне, как говорит Геродот, хотели спасти 300 греческих детей от жестокости тирана Периандра, свирепого угнетателя самих коринфян. Пренебрежение Плутарха к объяснению, предложенному Геродотом, находит свое выражение в следующем недоуменном вопросе: «что же испытав, коринфяне мстили самийцам, воспрепятствовавшим свершению подобного жестокого преступления?»¹ Плутарх видит несуразность объяснения Геродотом похода коринфян на Сам и в отсутствии побуждений для злопамятности коринфян, поскольку они² «были озлоблены против них (т. е. самийцев) немало лет спустя»³. Поэтому Плутарх непосредственно вслед за своим процитированным выше недоуменным вопросом пишет: «Притом же после трех поколений они проявили еще такую злопамятность и ярость за тираннию, свергнув которую, они только и думали о том, как бы стереть и уничтожить всякое воспоминание и всякий след о ней, — настолько тяжела и ненавистна она им была»⁴.

С этим полемическим замечанием Плутарха невозможно не согласиться. Действительно, остается совсем непонятной столь упорная и устойчивая злопамятность коринфян по отношению к самийцам за обиду, нанесенную тремя поколениями ранее. Если бы эта обида была нанесена в недалеком прошлом, то, очевидно, злопамятность коринфян была бы несколько более мотивированной. Тогда вмешательство самийцев в дело наказания мятежной знати Керкиры должно было вызвать большую ярость в Коринфе ввиду все более усиливающейся вражды этой коринфской колонии к своей метрополии⁵. Следовательно, вопрос о более ранней или более поздней датировке нанесения обиды коринфянам со стороны самийцев имел для Плутарха немаловажное значение. Он не мог поэтому не обратить внимания на ту датировку, которую давал Геродот указанному событию. Если в рукописи труда галикарнасского историка Плутарх нашел бы указание на то, что отправление Периандром детей керкирян в Сарды от войны против Поликрата отделяло якобы лишь одно поколение, то он не преминул бы подчеркнуть со всей решительностью это противоречие с традиционной датировкой времени Кипселидов, в качестве нового свидетельства лживости Геродота. Он, конечно, увидел бы в этом сокращении отрезка времени, отделявшего поход на Поликрата от нанесения обиды коринфянам самийцами, лишь злостное стремление Геродота сделать более понятной и убедительной «злопамятность» коринфян путем фальсификации исторической действительности. Но поскольку Плутарх о таком противоречии Геродота с традиционной хронологией ни слова не говорит, то, очевидно, в том экземпляре руко-

¹ Plut., изд. I. G. Gutton, Tübingen, 1800, т. XII, стр. 300, 18—19.

² По небрежности переписчика сочинения Плутарха в этом месте рукописи вместо «коринфяне» стоит «лакедемоняне». Несомненность описки очевидна ввиду контекста: «О такого рода оскорблении, нанесенном самийцами коринфянам, говорит Геродот, и по этой-то причине лакедемоняне были озлоблены против них» (ук. изд., т. XII, стр. 301, 2—4).

³ Там же, стр. 301, 3—5.

⁴ Там же, стр. 301, 11—15.

⁵ Проявлением этой вражды Керкиры к своей метрополии было, как известно, введение в Керкире денежной системы Эгины, злейшего врага и опаснейшего конкурента Коринфа.

писи труда Геродота, которым располагал Плутарх, рассматриваемое место Геродота читалось именно «третьим поколением раньше».

Таким образом, рушится основной аргумент Белоха в пользу его хронологической схемы истории VI в. до н. э.¹ Остается объяснить, каким образом в последующее время, уже после Плутарха, из текста 48-й главы III книги Геродота вышло порядковое числительное «третье» перед словом «поколение». Переходя к решению этой проблемы, нужно вернуться к тому синхронизму, который был установлен Геродотом в той же 48-й главе, к синхронизму правления Креза и последних лет правления Периандра. Как было указано выше, этот синхронизм резко противоречит традиционной хронологии — Периандр правил с 625 по 585 г., а Крез — с 560 по 546 г. Поэтому некоторые издатели Геродота, включив в текст III, 48 вполне закономерно, на основании свидетельства Плутарха, порядковое числительное τρίτη, одновременно совершенно закономерно объявили интерполяцией также и текст с указанием на синхронизм нанесения обиды коринфянам и похищения самийцами кратера, предназначенного Крезу: ὄβρισμα γὰρ καὶ ἐς τοῦτους εἶχε ἐκ τῶν Σαμίων γεγόμενον (τρίτη) γενεῇ πρότερον τοῦ στρατεύματος τούτου, [κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν χρόνον τοῦ χρητῆρος τῇ ἀρπαγῇ γεγός], «Обида ведь была нанесена этим (т. е. коринфянам) самийцами <третьим> поколением раньше этого похода [в то самое время, когда кратер был похищен]»².

Такая ампутация, произведенная над незащитным текстом Геродота, не может быть оправдана ни аргументами внутренней критики, ни аргументами критики внешней. Действительно, как было показано выше, Геродот считал возможным, что свидание Солона с Крезом имело место во время десятилетнего скитания афинского государственного деятеля после того, как он завершил свои реформы. Поскольку же тиран Коринфа Периандр был современником Солона, то Геродот, очевидно, мог считать возможным и синхронизм между последними годами правления Периандра и годами царствования Креза. Плутарх в своей полемике с 48-й главой III книги Геродота совсем не касается интересующего нас синхронизма не по причине отсутствия его в первоначальном тексте Геродота, а, конечно, по той причине, что у него не было никаких оснований отвергать этот синхронизм. Дело в том, что и Плутарх, как мы выше видели (стр. 67), допускал реальность свидания Солона с царем Крезом в годы 593—584, рассматривая этот «рассказ настолько общеизвестным и подтвержденным столькими свидетелями и, что самое главное, соответствующим характеру Солона и достойным его великодушия и мудрости». Поэтому и объявление Геродотом Креза современником Периандра не должно было вызвать возражений со стороны Плутарха. Стало быть, и свидетельство Плутарха не может оправдать положение, что текст III, 48, где устанавливается синхронизм Периандра и Креза, является интерполяцией. Единственным искажением первоначального текста названной главы является исключение из датировки похода на Поликрата порядкового числительного τρίτη, проведенное уже после Плутарха одним из тех десятков тысяч историков, которые, согласно свидетельству вышеприведенной цитаты из XXVII главы биографии Солона, пытались привести в порядок хронологические каноны. Этот историк установил при помощи сочинений александрийских хронографов точное время правления Креза и должен был поэтому отверг-

¹ См. F. Schachermeyer, RE, XIX, стб. 713—714; Шахермейер считает, что из всех доводов, приведенных Белохом, является безусловно доказательным лишь тот, который опирается на свидетельство синхронизма, установленного Геродотом в 48-й главе книги III.

² См., например, издание Геродота Dietsch-Kallenberg, т. I, 1906, стр. 256, со ссылкой на исследования Urlichs и Abicht.

нуть геродотовскую датировку похода на Поликрата «третьим поколением» до похищения самийцами кратера, предназначенного для Креза. Поэтому он свет отрезок времени, отделявший указанные два события, к одному поколению, не замечая, правда, что его исправление текста Геродота приводит к противоречию с традиционной хронологией времени правления Периандра. Очевидно, столь резко подчеркнутое указание на время похищения кратера — «в то самое время, когда похищен был кратер» — отвлекло его внимание от момента нанесения обиды коринфянам, датированного правлением Периандра ¹.

Таким образом, путем сопоставления 48-й главы III книги Геродота с XXII главой сочинения Плутарха «О злокозненности Геродота», мы приходим к выводу, что Геродот действительно считал возможным синхронизм конца правления Периандра и царствования Креза. Раньше мы видели, что Геродот считал возможным свидание царя Креза с Солоном в годы 593—584, с Алкмеоном за ряд лет до 570 г., года женитбы его сына Мегакла, и, наконец, с митиленцем Питтаком, умершим около 570 г. Такая неточность Геродота в хронологии VI в. нас не может не поразить, так как труды логографов появились уже во второй половине VI в. ² Недавно надежность Геродота как историка была показана на новом примере из истории Персии VI в. ³ Поэтому неточность Геродота в хронологии истории VI в. до н. э. близкой, казалось, ему Греции и Западной Малой Азии, требует пристального внимания и тщательного исследования. На вопрос о том, каким же образом мог Геродот, стремившийся включить свое повествование в определенные хронологические рамки, вводить Креза в несоответствующий ему хронологический «контекст», современная историография отвечала указанием на религиозно-моралистическое настроение древнего историка. Так, например, Ф. Г. Мищенко объяснял наличие в труде галикарнасского историка рассказа о посещении Креза Солоном, «сочиненного каким-нибудь моралистом», тем обстоятельством, что «Геродоту он казался несомненным только благодаря тому, что согласовался с его воззрениями на человеческое счастье и непрочность его» ⁴. Такое объяснение, однако, представляется недостаточным. У Геродота, наверное, были еще какие-то объективные аргументы, которые поддерживали его уверенность в допустимости продвинуть царствование Креза ко времени путешествий Солона; это тем более вероятно, что в повествовании Геродота Крез был связан не только с Солоном, но и с Алкмеоном, с Питтаком и даже, как это было выше доказано, с Периандром. Установление Геродотом синхронизма Креза с такими лицами, как Алкмеон или Периандр, уже невозможно объяснить субъективным религиозно-этическим мировоззрением Геродота. Последний, несомненно, имел в своем распоряжении какие-то определенные источники для установления хронологии. Это были данные устной традиции и труды старших логографов, в первую очередь Гекатея Милетского; ни Аттиды, ни самийские анналы, ни списки победителей на олимпийских состязаниях, ни книги по истории Спарты, Фив и других греческих

¹ Ф. Шахермейер (RE, XIX, стб. 714) полагает, что отрезок времени, отделявший поход на Поликрата от нанесения обиды самийцами коринфянам в годы правления Периандра, Плутарх продлил до трех поколений произвольно, «желая, как утверждает Шахермейер, считаться с хронографами». Но Шахермейер, очевидно, забыл то пренебрежение, с которым говорит Плутарх о свидетельстве «каких-то хронологических канонов, которые пытаются привести в порядок десятки тысяч и до сих пор не могут прийти ни в чем к согласию и не могут устранить противоречия» (Sol., XXVII).

² В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 54—55.

³ См. В. В. Струве, Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I, ВДИ, 1948, № 3, стр. 12 сл.

⁴ Геродот, История, перевод Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. ХСП.

государств во времена Геродота еще не существовали¹. В устной традиции и трудах логографов источниками для установления хронологии, наряду со списками царей и магистратов, несомненно, служили и такие явления природы, как солнечные затмения, землетрясения и т. п. Особенное значение в этом отношении могли иметь те чрезвычайные явления природы, которые были синхронны какому-либо крупному историческому событию. Именно таким событием и было то солнечное затмение, которое заставило, превратив день в ночь, приостановить битву между лидийским царем Алиатом и царем мидян Киаксаром. Это солнечное затмение должно было обратить на себя тем большее внимание традиции, что «Фалес Милетский предсказал ионийцам эту перемену дня, определивши заранее тот самый год, в котором затмение случилось» (Her., I, 74; ср. I, 103). Громадное большинство современных историков отождествляют солнечное затмение, сопутствовавшее этой битве, с солнечным затмением 28 мая 585 г. до н. э.² При этом они опираются на совпадение астрономических вычислений³ с результатами исследований alexandрийских хронографов. Последние нашли свое отражение в труде Плиния *Naturalis historia* (II, 12, 53), который определяет время затмения 4 годом 48 олимпиады, т. е. 585/4 г. до н. э. Окончательное решение вопроса о времени солнечного затмения, положившего конец войне между лидийским государством и мидийской державой, стало возможным лишь на основании трудов alexandрийских хронографов, которые первые положили начало исторической хронологии как научной дисциплине⁴. Установив дату взятия Сард Киром⁵, alexandрийские ученые создали основу для определения соотношений во времени событий истории Передней Азии, Лидии и Греции⁶. Но до того, как alexandрийские хронографы определили год взятия Сард, список лидийских царей не был закреплен во времени, и поэтому Геродот не имел возможности точно установить, какое именно из солнечных затмений, падающих на рубеж VII—VI вв. до н. э., следует отождествить с тем затмением, которое было предсказано Фалесом Милетским. Выбор Геродота мог пасть только на одно из двух наиболее значительных затмений этого времени. Геродот мог остановить свой выбор либо на солнечном затмении 30 сентября 610 г., либо на упомянутом уже затмении 28 мая 585 г. Выбор Геродота пал, очевидно, на первое, а именно на затмение 30 сентября 610 г., которым он и датировал битву между войсками Киаксара и Алиата. Поэтому он отодвинул назад на 25 лет и смерть Гига и включил в число исторических фактов встречи Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном. Датируя битву, завершившую лидийско-мидийскую войну 610 г. до н. э., Геродот (I, 16) поставил, как мы выше видели, первым событием царствования Алиата войну с Мидией, но в истории Мидии (I, 103) упомянул войну Киаксара с Лидией до взятия Ниневии. Очевидно, Геродот не был полностью убежден в закономерности отождествления предсказанного Фалесом солнечного

¹ См. В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 50 сл.; F. Jacoby, Herodotos, RE, Suppl. II, стб. 404—405.

² Б. А. Тураев, ИдВ, II, стр. 90.

³ I. Zsch, *Astronomische Untersuchungen über die wichtigeren Finsternisse, welche von den Schriftstellern des classischen Alterthums erwähnt werden*, Lpz, 1853, стр. 57 сл.; F. K. Ginzell, *Spezieller Kanon der Sonnen- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klazssischen Altertumswissenschaft und den Zeitraum von 900 vor Chr. bis 600 nach Chr.*, В., 1899.

⁴ Такую оценку работе alexandрийских хронографов давал, в противоположность Белоху, крупный русский историк В. П. Бузескул, ВиГ, стр. 178, прим. 4.

⁵ О дате взятия Сард см. выше, стр. 60, прим. 1. Я вместе с Б. А. Тураевым и с большинством исследователей датирову указанное событие 546 г. до н. э.

⁶ Согласно Диогену Лаэртскому, I, 7, 95, alexandрийский поэт Сосикрат утверждал, что Периаандр умер раньше гибели Креза на 41 год.

затмения с затмением 610 г., и поэтому он не был последовательным в установлении синхронной связи между событиями истории Лидии и истории Греции. Так, с одной стороны, он (III, 48) сделал Креза, как мы видели, современником коринфского тирана Периандра, а с другой, — он представил его современником Писистрата и после захвата власти последним в третий раз, т. е. в 538 г. до н. э.¹ Я полагаю, что неуверенность Геродота в правильности предложенной им датировки битвы Киаксара с лидянами и была причиной того, что он не выполнил своего обещания изложить историю взятия мидянами Ниневии².

Свидетельство такой же неуверенности Геродота в определении датировки необычного явления природы мы находим и в его рассказе (VI, 98) о землетрясении на острове Деле, которое имело место после отплытия от острова флота Датиса, направлявшегося в 490 г. к берегам Аттики: «После его (Датиса) ухода оттуда Дел, как рассказывали дельйцы, испытал землетрясение в первый и в последний раз вплоть до моего времени. Это было чудо, которым божество явило людям знамение о грядущих бедствиях. Действительно, за время Дария, сына Гистаспа, и Ксеркса, сына Дария, и Артаксеркса, сына Ксеркса, за время этих трех следовавших друг за другом поколений свершилось для Эллады больше бедствий, нежели в течение двадцати других поколений до Дария, отчасти со стороны персов, отчасти со стороны своих собственных руководящих (государств), борющихся за господство». На первый взгляд этот рассказ Геродота резко противоречит свидетельству Фукидида (II, 8) о том же, очевидно, землетрясении на острове Деле, которое мы находим в его описании того напряженного состояния, в котором находилась вся Греция при начале Пелопоннесской войны: «Незадолго перед этим на Деле произошло землетрясение, чего никогда на нем не было, насколько помнили эллины; говорили и думали, что это предзнаменование для будущего и вообще искали повсюду, не случилось ли чего-либо другого в этом же роде». Датируя землетрясение временем, близким началу Пелопоннесской войны, Фукидид, казалось, полемизирует с утверждением Геродота, что указанное событие свершилось после отбытия Датиса от Дела в 490 г. Но в связи с этим надлежит отметить, что Геродот рассматривал это землетрясение на Деле, подобно Фукидиду, так же как предзнаменование Пелопоннесской войны, а не только одних греко-персидских войн³. Об этом со всей очевидностью свидетельствует и указание на время правления трех персидских царей — Дария, Ксеркса и Артаксеркса — и указание на бедствия, которые претерпевала Греция со стороны своих собственных руководящих государств, воевавших между собой за господство. Я полагаю, что это указание может быть отнесено только к Пелопоннесской войне⁴, начало которой падало на последние годы царствования Артаксеркса I. Если же Геродот видел в землетрясении

¹ В главе 64-й I книги Геродот заканчивает рассказ об окончательном захвате власти Писистратом в 538 г., т. е. уже спустя несколько лет после гибели царства Креза. Несмотря на это, 65-я глава той же книги труда Геродота начинается следующими словами: «Таково было, как узнал Крез, положение афинян в то время».

² Он обещал это сделать в 106-й главе той же I книги: «они (т. е. мидяне) покорили Нин, как они покорили его, расскажу в другой истории». Насколько велики были противоречия у Геродота в определении последовательности во времени событий царствования Киаксара, можно судить по наличию двух вариантов рассказа о гибели скифов в Мидии. Согласно одному варианту (I, 73), гибель их предшествовала войне Киаксара с Лидией, а согласно другому (I, 106) — она непосредственно предшествовала завоеванию Ниневии.

³ Так, например, полагал Ф. Г. Мищенко (Геродот, История, т. I, стр. ХСI), повидному, не обративший внимания на последующий контекст.

⁴ Указание на Пелопоннесскую войну в этих словах Геродота находит и С. Вонте в своем издании Фукидида (Lpz., 4-е изд., 1876), стр. 132, прим. к II, 8, 3.

на острове Деле предзнаменование не только для греко-персидских войн, но и для столь отдаленного по времени события, как Пелопоннесская война, то из этого следует, я полагаю, что он колебался в точной датировке этого землетрясения¹.

Эти колебания были обусловлены, несомненно, тем обстоятельством, что Геродот нашел в устной и письменной традиции разногласия в датировке как солнечного затмения, предсказанного Фалесом, так и землетрясения на острове Деле. По каким-то соображениям Геродот склонился к тем датировкам указанных двух событий, которые эти последние отодвигали назад солнечное затмение, приостановившее битву Киаксара и Алиата, к 610 г.², а дельийское землетрясение — к греко-персидским войнам, Установив, таким образом, что Крез вступил на престол спустя 25 лет после затмения, т. е. в 585 г., Геродот мог считать возможным посещение Солонном Сард во время царствования Креза. Но вместе с тем он в другом месте своего труда объявил тираннию Писистрата синхронной правлению Креза; очевидно, датировка солнечного затмения, предсказанного Фалесом, не была проведена последовательно во всем труде Геродота. Но мы не будем слишком сурово судить «отца истории» за эти сомнения и колебания, так как и в современной историографии мы находим аналогичные колебания при решении данного вопроса³. Конечно, Геродот не был в состоянии произвести научное изыскание действительного времени солнечного затмения, предсказанного Фалесом, путем определения того из годов царствования Алиата, при котором имело место и солнечное затмение и решающее сражение с мидянами. Точно так же галикарнасский историк не располагал еще возможностями alexandрийских хронографов, чтобы проверить достоверность легенды о том полном солнечном затмении, которое якобы произошло в момент выступления армии Ксеркса из Сард в поход на Грецию⁴.

Однако не соответствующие действительности синхронизмы и даты, установленные Геродотом для истории Малой Азии и Греции VII—VI вв., не были обусловлены его субъективными религиозно-моральными воз-

¹ Можно даже предположить, что указание Геродота на дельийское землетрясение после ухода оттуда Датиса давало ему не столько датировку, сколько *terminus post quem*. Следует отметить также, что датировка Фукидидом дельийского землетрясения также недостаточно точна: «незадолго перед этим на Деле произошло землетрясение». Заключение Фукидида к эпизоду о землетрясении создает даже впечатление, что и он не был уверен в датировке этого зловещего явления природы: «говорили и думали, что это предзнаменование для будущего, и вообще искали повсюду, не случилось ли чего-либо другого в этом же роде». Действительно, если таково было умоностроение, то вполне возможно было включение в число знамений и сравнительно отдаленного события.

² Любопытно отметить, что в начале XIX в. некоторые астрономы, как, например, Bailly и Oltmanns (см. F. K. G i n z e l, *Spezieller Kanon der Sonnen- und Mondfinsternisse...*, стр. 169), настаивали на том, что солнечное затмение, предсказанное Фалесом, соответствует затмению 30 сентября 610 г. Историки первой половины XIX в. поэтому датировали битву, завершившую лидийско-мидийскую войну, 610 годом, см., например, перевод Геродота I. Chr. F. V ä h r ' a (Stuttgart, 1859), т. I, стр. 70, прим. 1.

³ См., например, Meyers *Konversationslexikon*, т. XI, 1905, стр. 899, где битва с Алиатом датируется 610 г., но указывается и на возможность даты 585 г. Иранист Кен и г в своей книге «Älteste Geschichte der Meder u. Perser» (1934, стр. 39) колеблется в датировке битвы Алиата с Киаксаром между годами 610, 558 и 557.

⁴ «Когда войско выступало, солнце, оставив свое место на небе, стало невидимым при безоблачности неба и совсем ясной погоде, (так что) вместо дня наступила ночь» (H e r., VII, 37). Геродот указывает здесь на полное солнечное затмение, имевшее место при выступлении из Сард персидского войска, которое двинулось в поход, как известно, весной 480 г. до н.э. В действительности же имевшее тогда место в Малой Азии полное затмение датируется весной 477 г. Полное же солнечное затмение 8 апреля 480 г. было видимо только на пространстве от Новой Зеландии до Южной Америки (см. I. Z e s c h, *Astronomische Untersuchungen...*, стр. 39 сл.). Стало быть, народная легенда была не точной, но Геродот не был в состоянии ее проверить.

зрениями, а зависели от датировки, хотя и ошибочной, предсказанного Фалесом солнечного затмения. Это положение, которое я пытался доказать, возвращает нам снова доверие к Геродоту как историку, сильно подорванное утверждениями многих исследователей древности и современности, что он зависел от склонности к чудесному, представления о зависти богов и т. д. Выясненные в настоящей статье факты позволяют сохранить за Геродотом право на почетнейшее звание «отца истории». Придя к такому выводу, я, конечно, не намерен полностью отрицать воздействие религиозных и этических установок Геродота на фактическую сторону его изложения, но я утверждаю, что его субъективные воззрения играли значительно меньшую роль, нежели та, которую им часто приписывают¹. Поэтому на основании всего выше сказанного я полагаю, что труд Геродота продолжает сохранять свою ценность как источник и для истории VI в. до н. э.

¹ Некоторые исследователи настолько подчеркивают тяготение Геродота к чудесному, к оракулам, сновидениям и т. п., что приходят по существу к отрицанию значения труда Геродота как исторического источника (см., например, историографию вопроса в предисловии Ф. Г. Мищенко ко II тому его перевода Геродота «Не в меру строгий суд над Геродотом», в котором он полемизирует с английским ученым Сэйсом, отвергающим ценность Геродота как историка).